

УДК 316.4

ББК 60.55

С 69

Редакторы: Е.Иванова, И. Стрельцова, П. Юрьев, Ю. Ермолаева, Е. Алексева,
С.Гоманова, К. Гринева, В.Романова

С 69 Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург , 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А.Мансуров—Электрон. дан.— М.: Российское общество социологов, 2016. — 10694 С. — (DVD ROM).

ISBN e978-5-904804-14-5

Социологические исследования могут и должны стать научной базой для формирования социальной политики, позволяющей смягчить возрастающие негативные явления в обществе. Изучение причин возникновения социального неравенства, тенденций углубления или ослабления признаков дифференциации общества, международного опыта государственного и общественного реагирования на негативные социальные индикаторы, общегосударственных и региональных практик воздействия на различные проявления неравенства как локального, так и общегосударственного характера – важнейшие направления фундаментальной и прикладной социологической науки.

В сборнике представлены доклады более чем 1300 социологов по разноаспектным проблемам социального неравенства и социальной справедливости.

Материалы сборника будут интересны научным работникам, студентам и аспирантам, преподавателям и экспертам в области социологии, а также руководителям и аналитикам в сфере государственного и регионального управления.

Минимальные требования к компьютеру для работы: операционная система — Windows Vista /7/8/10; процессор — Pentium 4 с частотой 1,5 ГГц и выше; 1 Гб свободной оперативной памяти; наличие DVD-привода; дисплей с разрешением не ниже 1280x960.

На компьютере должен быть установлен один из веб-браузеров: Mozilla Firefox (www.mozilla.org), Internet Explorer (www.microsoft.com), GoogleChrome (www.google.com), Opera (www.opera.com) Adobe Acrobat Reader (www.adobe.com).

УДК 316.4
ББК 60.52

ISBNe978-5-904804-14-5

© РОС оформление, 2016
© Авторы: текст 2016

Намруева Людмила Васильевна
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
Российская Федерация, Элиста
lnamrueva@yandex.ru

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ В КАЛМЫКИИ: СОВМЕЩЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И ИННОВАЦИЙ¹

Аннотация. Рассматривается противоречивое развитие регионального сообщества. С одной стороны, происходит возрождение архаических черт, что способствует сохранению этнической культуры. А с другой – для поступательного развития, успешной конкуренции региона необходимо внедрение инноваций. Автор использует примеры из жизни современных сельских жителей Калмыкии, чтобы показать совмещение традиций и инноваций.

Ключевые слова; традиции и инновации; сельское хозяйство; этническая культура; регион; модернизация; урбанизация; сельское население

Namrueva Ludmila Vasilyevna
Kalmyk Institute for Humanities of the RAS
Russian Federation, Elista
lnamrueva@yandex.ru

RURAL LIFE IN KALMYKIA: THE COMBINATION OF TRADITION AND INNOVATION

Abstract. Considers the controversial development of regional companies. On the one hand, there was the revival of archaic features that contributes to the preservation of ethnic culture. And on the other for the ongoing development, the successful competition of region you need innovation. The author uses examples from the life of modern rural inhabitants of Kalmykia to show the combination of tradition and innovation.

Key words: tradition and innovation; agriculture; ethnic culture; region; modernization; urbanization; rural population

Глубочайший структурный кризис, который пережила российская государственность на рубеже XX-XXI столетий, привел к возрождению в обществе архаических черт, присущих предшествующим эпохам [Клычников, 2014, с. 59]. Интерес к архаике в современной научной мысли достаточно устойчив. При всем многообразии трактовок данного явления исследователи, как правило, исходят из понимания того, что это состояние культуры, сформированное на раннем этапе становления общества. Одна из возможных трактовок, предложена Ч.К. Ламажаа, которая предлагает рассматривать архаику, «как культуру, сформированную на раннем (древнем) этапе социальной истории, представляющую собой систему практик солидарных действий, освоенных в ходе взаимодействия общества с природной средой и другими обществами и выраженных в общественном сознании (менталитете). Архаическая культура как система общественных действий состоит из самых простых, но при этом надежных, эффективных способов

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-13-08005.

взаимодействия древнего общества и его индивидов с природной и социальной средой» [Ламажаа, 2011, с. 35-36].

В конкретно-исторической ситуации на фоне разрушающегося привычного мироустройства оказалось, что архаика способна предложить адекватные ответы вызовам времени. Люди, воспитанные и сформировавшиеся в условиях общества модерна, вынуждены искать спасение в опоре на доказавшем свою состоятельность опыте предков [Награльян, 2011, с. 184]. Однако происходящая социальная инверсия может привести к возрождению тех конфликтных факторов, которые характерны для замкнутого общества, общества архаики. В случае длительного сохранения изоляционизма неминуемо отторжение инноваций, без которых невозможны ни дальнейшее поступательное развитие, ни конкурентная состоятельность.

Согласно разделяемому нами утверждению Клычников, на определенном этапе возврат к традиционным ценностям может дать весомые преимущества их носителям, обеспечить им условия для выживания и дальнейшего развития. Но рано или поздно такое общество исчерпает свой потенциал и будет вынуждено отказаться от устоявшегося миропорядка в пользу инноваций. Обладая внушительным мобилизационным потенциалом, столь необходимым в кризисной ситуации, архаика не сможет долго противостоять миру стабильности, благополучия и безопасности [Клычников, 2014, с. 59].

Одним из эффективных способов вытеснения архаичного начала из местных реалий является урбанизация региона. Наши исследования показывают, что городской образ жизни стал выглядеть для населения республики гораздо привлекательнее, чем сельский, так как здесь шире возможности найти хорошо оплачиваемую работу, разнообразить досуг, улучшить условия жизни.

Проанализируем отдельные факторы развития сельских территорий Республики Калмыкия, используя результаты анкетного опроса (N=302), проведенного автором летом-осенью 2015 г. в семи районах республики (Кетченеровский, Малодербетовский, Октябрьский, Сарпинский, Целинный, Яшалтинский, Яшкульский). 44 % массива составляют мужчины, 56 % - женщины. 51 % опрошенных проживают в райцентрах, 49 % - селах. Были опрошены респонденты двух основных этнических групп: калмыки представлены 52,3 %, русские – 36,4 %. Половина опрошиваемых (49,3 %) занята в бюджетной сфере; 20,5 % работают по найму, 9,6 % являются безработными, 4,6 % - пенсионеры, 2,6 % - студенты, 2,0 % - предприниматели, 2 человека находятся в отпуске по уходу за ребенком. 21 человек не указали вид своей деятельности [Намруева, 2015, с. 198].

Полученные данные показывают, что 18,9 % опрошенных полностью устраивает жизнь в сельской местности. Половина массива (51 %) заметила, что частично удовлетворена жизнью на селе. Чуть более четверти (27,8 %) ею не удовлетворены, из них 11,6 % полностью недовольны жизнью в сельской местности.

Два вопроса анкеты определяли жизненные перспективы сельских жителей. Так, более трети опрошенных (39,4 %) связывают свою жизнь с селом, так как дорожат своими корнями. 7,3 % хотят продолжить жить на селе, потому что имеют хорошую работу. Пять человек (1,7 %) указали, что свое будущее видят в сельской местности, имея свое дело, приносящее им доход. Каждый десятый опрошенный (10,7 %) положительно отмечает такую особенность сельской жизни как поддержка со стороны односельчан, которые всегда помогут в трудную минуту. Каждый десятый опрошенный (10,3 %) заявил, что не хочет жить в сельской местности, так как их здесь ничего не держит. 3,3 % заметили, что все родственники выехали из села, и они последуют их примеру. Четверть выборки считает, что жизнь на селе только ухудшается, улучшений не предвидится, поэтому они планируют выехать из сельской местности.

Таким образом, большая часть массива (59 %) не желает менять место жительства, так как дорожат родственными отношениями, работой, которая их материально обеспечивает, поддержкой односельчан. Миграционный потенциал на селе составляет более 38 %, т.е. более трети сельских жителей планирует уехать за пределы сельской местности, замечая лишь одни негативные стороны, свидетельствующие об ухудшении жизни сельчан.

На вопрос «Связываете ли вы будущее своих детей с сельской местностью?» только десятая часть массива (9,9 %) дала утвердительный ответ. Из них небольшое число (4,6 %) тех, кто считает, что там, где они проживают, созданы все возможности для развития детей. Такое же количество респондентов (4,3 %) также связывает судьбу своих детей с селом, т.к. жизнь на селе приближается к городской. Единицы анкетированных (3 %) отмечают, что здесь у детей работа, возможность сделать профессиональную карьеру, поэтому они планируют жить на селе. Половина массива (49 %) указывают, что в селении, где они проживают, практически нет условий для развития детей, поэтому они готовы ради их развития выехать из села. 30 % респондентов ответили, что дети хотят жить в городе. Таким образом, подавляющая часть массива (79 %) не видят перспектив развития своих детей в сельской местности, поэтому они готовы ради них покинуть свои родные места.

Как показало анализируемое исследование, смысло-жизненные проекты сельского населения обусловлены в первую очередь перспективами трудовой занятости и

восходящей мобильности (качественное образование для детей, возможность построения карьеры). Обе эти ценности не присутствуют сегодня в большинстве сельских территорий республики. Поэтому миграционные устремления характерны для сельчан.

В настоящее время происходит активное заселение столицы республики жителями сельских районов, которые не имеют возможности трудоустроиться или вести подсобное хозяйство. Семьи с детьми стремятся выехать в районные центры, где имеется необходимая инфраструктура, которая способна обеспечить определенный уровень качества жизни: детские сады, школы, учреждения здравоохранения, культуры. По окончании школы сельские дети уезжают в город (Москва, Петербург, Элиста, соседние мегаполисы), чтобы получить образование, большая часть из них, как правило, там и остается из-за отсутствия возможности трудоустройства по специальности и низкой средней заработной платы в республике. Кроме учащейся молодежи, в поисках работы, повышения материального благосостояния и более высокого качества жизни село покидают люди активного трудоспособного возраста, которые постепенно «закрепляясь» в городе, снимая жилье, перевозят семью. Многие сельские жители выбирают работу «вахтовым методом» не только в близлежащих областных городах (Волгоград, Астрахань), но и отдаленных (Москва, Петербург), но и весьма удаленных от Калмыкии регионах (Ханты-Мансийск, Чукотка и т.д.), формируя армию временных и сезонных мигрантов. По окончании смены (вахты) они возвращаются домой, на заработанные деньги приобретают дорогостоящую бытовую технику, автомобили, благоустраивают квартиры, некоторые приобретают жилье не только в столице республики, но и за ее пределами, в том числе Москве и Подмосковье [Намруева, 2015, с. 128].

А с другой стороны, город ассимилирует сельских жителей, имеющих более высокий уровень этнокультурной компетенции. Урбанизационные процессы размывают этничность, способствуют потере его неповторимой культуры, исчезновению таких ее уникальных компонентов, как язык, традиции, обычаи [Намруева, 2013, с. 69].

Разделяем мнение тувинского ученого Ч. Ламажаа, «главные вопросы, которые необходимо решать в первую очередь для осуществления задач модернизации как в российских масштабах, так и в масштабах каждого из регионов страны, это — совмещение культурных традиций проживающих в них народов с задачами модернизации» [Ламажаа, 2012]. Подобное «совмещение» можно наблюдать на примере одного из самобытных регионов России — Республики Калмыкия, где при реализации задач модернизации стремятся использовать культурный потенциал, систему социальных связей и институтов калмыцкой культуры. Это позволяет осовременить общество, вписать его в планы российского развития, и в то же время сохранить его этническую

специфику. В противном случае, происходит растворение и постепенное исчезновение уникальных элементов этнической культуры [Намруева, 2013, с. 130].

И в этом случае отечественные исследователи фиксируют проблемную ситуацию, которая складывается вокруг главного субъекта изменений в мире — самого человека, его собственной идентичности. Проблемность ситуации в следующем. Традиционные базовые представления о человеке уходят в прошлое. На смену им приходят конструкты, утверждающие как новые социальные формы его идентичности, так и стандарты его физической, телесной конституции, гендерной маркировки [Смирнов, 2014].

Новые гибридные формы уклада жизни людей особенно причудливо проявляются в сельской местности. Например, гуртоправ с мобильником и выходом в Интернет, спутниковой связью, едущий на лошади. Или чабан с рацией и мобильником, с запасами кормов, доставленными грузовыми КамаЗами. С одной стороны, у скотовода привычное домашнее хозяйство, основанное на ручном тяжелом труде, а с другой — он везет выращенный скот в мясоперерабатывающий цех (завод), где функционирует современное оборудование.

Сельский житель, получив агрономическое или зоотехническое образование, остается жить в городе, не желая работать по специальности. Лишь единицы трудятся в сельской местности. Некоторые специалисты, занятые аграрным трудом, выходные проводят в городе, посещая кино, театр, супермаркет, другие увеселительные заведения, коих нет на селе.

Доярка возвращается домой после работы на ферме, где отдельные процессы технологизированы, и трудится на личном подворье по старинке, вручную. А домочадцы сидят в социальных сетях, общаются с друзьями из дальнего зарубежья, слушают лекции столичных профессоров.

Как видим, сохранившиеся простые привычки, связанные с сугубо патриархальным образом жизни, обитанием на селе, тесно переплетаются с новшествами. После проведения газопровода, водопровода многие сельские жители республики благоустраивают жизнь, их квартиры порой ничем не отличаются от городской квартиры: установлены пластиковые окна, сплит-системы, спутниковые антенны, современные стиральные машины, унитазы, душевые кабины. Несмотря на сложное экономическое положение многих сельских семей, у ворот почти каждой из них стоят автомашины, правда, большинство из которых куплены в кредит. Жители сел, удаленных от Элисты на расстоянии около 300 км, за два часа прибывают в степную столицу, совершают покупки тех товаров, которые в прошлые годы производили сами (молочные, мясные продукты) [Намруева, 2016, с. 259].

В эпоху глобализации архаика и традиция, которые привычно в науке рассматриваются как формы социальности, существовавшие до начала модерна, претендуют на роль значимых общественных феноменов. Е.А. Ерохина отмечает, что парадокс этих типологически разнородных и хронологически одновременных явлений в структуре незападных обществ не ослабляется, а напротив, усиливается по мере того, как одна волна модернизации накрывает другую [Ерохина, 2014, с. 60].

Изменения в традиционной хозяйственной системе аграрной республики начались, прежде всего, с началом аграрной реформы 1990-х гг., ставшей неизбежным этапом в общем ходе процесса исторического развития всей страны. Но итоги переустройства сельского хозяйства и жизни селян не принесли ожидаемых результатов. Важнейшие компоненты аграрной реформы 90-х гг. – вопросы землепользования и землевладения, форм хозяйствования, средств и результатов производства, в целом проблема права собственности, его использования в интересах самих производителей – не нашли полного практического решения в жизни сельскохозяйственных товаропроизводителей.

В результате аграрной реформы на основе реорганизации совхозов число крестьянских хозяйств значительно увеличилось. Однако основная масса проблем так и осталась нерешенной в силу отсутствия финансового обеспечения. Ликвидация крупных хозяйств в начале 1990-х гг., создававших фундамент социально-экономической жизни сельских сообществ, привела к катастрофическому снижению жизненного уровня жителей села, деградации и гибели сельских поселений. Среднедушевые доходы основной части населения Калмыкии в 2000 г. едва позволяли сводить концы с концами, покупка товаров долговременного пользования культурно-бытового назначения была не реальной. Необходимо иметь в виду, что больше половины населения республики (58,5 %) имело доход ниже величины прожиточного минимума [Лиджи-Горяева, 2012, с. 56].

Сложной является проблема инновационного развития мясного скотоводства с использованием мясных пород крупного рогатого скота (КРС). В этой отрасли конкурентные позиции отечественного производства мяса КРС по сравнению с импортом продолжительное время оставались достаточно низкими. Современная первичная переработка скота на селе, которая за рубежом, будучи кооперативной, приносит ощутимый доход сельским жителям и обеспечивает поставки в город и на глубокую переработку качественно другого продукта по сравнению с поставками скота на забой. В подавляющем большинстве аграрных предприятий республики производство сельскохозяйственного сырья организовано без какой-либо переработки. Это лишает крестьян значительной части прибыли, ведет к сокращению числа рабочих мест в

сельских поселениях, обостряя и без того сложную экономическую и социальную ситуацию на селе. АПК республики имеет конкурентные преимущества, одним из которых служат природно-климатические условия для получения на естественных кормовых угодьях в степной части России высококачественного и дешевого мяса крупного рогатого скота и овец, в том числе и «мраморного мяса». Организация даже первичной переработки такого сырья на селе может принести большие дополнительные доходы его производителям и улучшить социальное положение местных жителей.

Глобализация усилила разрыв между так называемыми «продвинутыми» и депрессивными регионами, социальными слоями, группами. Исследователи противоречивые эффекты глобализации условно делят на два типа [Ерохина, 2014, с. 60]. Первый тип обозначают как архаизацию, которая представляет собой упрощение сложных форм социальной жизни. Например, в экономике она проявляется в возвращении к натуральным формам обмена вещами, сырьем, продукцией, более присущим традиционному обществу. Это явление широко распространено в регионе, зачастую фермеры, сельскохозяйственные предприятия выдают своим рабочим зарплату в виде определенного количества мелкого и крупного рогатого скота, овец или конкретного объема сена, кормов. Е.А. Ерохина к наиболее видимым артефактам архаизации относит руины промышленных предприятий и колхозных построек, заброшенные поля, оросительные системы, пришедшая в негодность техника из-за отсутствия инфраструктуры, способной ее обслуживать [Ерохина, 2014: 60]. В республике из-за массового оттока сельских жителей осталось огромное количество разрушенных зданий, домов, заброшенных деревень.

Личные подсобные хозяйства (ЛПХ) и мелкие крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ) используют в основном ручной труд, примитивные отсталые технологии. В 1970-1980 гг. в животноводческих хозяйствах Калмыкии в период стрижки овец были задействованы большие человеческие и технические ресурсы. Ведь приходилось за один день остричь отару, поголовье которой не менее одной тысячи овец. Несколько десятков стригалей, носильщиков, точильщиков, электриков, других инженерно-технических работников, следивших за электрическими стригальными аппаратами, бесперебойность подачи электричества, складировщики в течение месяца успешно справлялись с важной для животноводов стригальной компанией.

В настоящее время в период многих сельскохозяйственных компаний в республике наблюдаем возврат к архаическим формам. Так, с конца апреля и весь май животноводы, имеющие частный скот в немалом количестве, вынуждены нанимать стригалей, которые, используя ручные ножницы, снимают зимние шубы овец. Иметь стригальный пункт, как

это было в советский период, могут лишь крупные хозяйства, т.к. для этого требуются техническое энергозатратное оборудование и квалифицированные специалисты-электрики. Легче использовать дешевый ручной труд. Фермер, владелец крупного ЛПХ платит за стрижку одной овцы 70-85 рублей (цена 2014 г.). Мужчины, не имеющие постоянной работы на селе, объединившись в бригады, охотно участвуют в этой сельскохозяйственной компании, зарабатывая тяжелым физическим трудом.

Второй тип определяют как неотрадицию. С. Мадюкова отмечает, что неотрадиция отличается от традиции не только механизмами передачи знания (из высокой письменной культуры в повседневную среду устной коммуникации, от младших к старшим), но также и функциями, главная из которых - идентификация. При этом традиция (ритуал, обряд, обычай), - как считает Мадюкова, - представляет собой формальную сторону, тогда как рефлексия, предшествующая идентификации, – содержательную сторону [Мадюкова, 2012].

Согласно С. А. Мадюковой, в результате этого процесса осуществляется не просто следование «образцу», а развитие традиции за счёт инкорпорации новации. Принципиальное отличие неотрадиционализма от традиционализма видится в приоритете рефлексивного сознания как основы воспроизводства традиции. В рамках неотрадиционализма способ исполнения действия основан на рациональной целесообразности и на символическом обозначении социальной причастности, а исполнение определенных обычаев и ритуалов призвано осуществить рациональную функцию самоидентификации того или иного социального субъекта» [Мадюкова, 2012].

В Калмыкии получает свое развитие неотрадиция. Республика расположена в полупустынной зоне, в последние годы природные факторы (зной, отсутствие дождей в летний период, засухи) осложнили жизнь сельских жителей. Количество дней с засухами в год варьирует от 82 до 124. Засухи, характерный признак опустынивания, наносят огромный вред сельскому хозяйству. Поэтому калмыки в этот период стали совершать обряды, которые именуются «усан аршан», освящение воды. Как пишет Т. Г. Басангова: «Важное место в земледельческих обрядах калмыков занимают обряды вызывания дождя. Функция обрядов – обеспечение благоприятных условий и предотвращение засухи, которая губит посевы». Сельские жители освящают природные водные объекты (реки, озера, пруды, степные колодцы, лужи с талой или дождевой водой), призывая небеса оказать милость народу, тем самым стремясь сохранить посевы, урожай, следовательно, поголовье скота. Это действие основано на рациональной целесообразности [Басангова, 2013, с. 224].

Проведенный нами анализ позволяет констатировать, что такие этносы, как калмыки, в условиях нарастающей глобализации, чтобы сохранить свою этничность, в некоторых сферах жизнедеятельности возвращаются к традиционным ценностям, чтобы иметь условия и возможности для выживания и дальнейшего развития.

Библиографический список

Басангова Т.Г. Фольклор калмыков об обряде вызывания дождя // Актуальные проблемы развития современного агропромышленного комплекса Прикаспийского региона. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (2013, г. Элиста). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. 224 с. С. 224-226.

Ерохина Е.А. Архаика и неотрадиция как два вектора глобализации // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф., посв. 60-летию освоения целинных и залежных земель (Омск, 23-26 апреля 2014 г.) / Под ред. Т.Н. Золотовой, В.В. Слабодцкого, Н.А. Томилова, Н.К. Чернявской: в 3 частях. – Омск: Изд-во Омск. гос. аграрн. ун-та, 2014. Ч. II. 390 с. С. 60-63.

Клычников Ю.Ю. Модернизация и архаика на Северном Кавказе в начале XXI столетия // Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития: мат-лы всерос. науч. конф (г.Ротов-на-Дону, 18-19 сентября 2014 г.) / отв. Ред. Акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 458 с. С. 59-62.

Ламажаа Ч.К. Архаизация общества в период социальных трансформаций // Гуманитарные науки: теория и методология. М., 2011. №3. 35-36.

Ламажаа Ч.К. Задачи модернизации и этнокультурные традиции населения Тувы // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. С. 571-574.

Лиджи-Горяева С. Э. Социальная адаптация населения Республики Калмыкия в условиях трансформации российского общества: социологический аспект. Монография. Элиста: ИКИАТ, 2012. 109 с.

Мадюкова С.А. Этнокультурный неотрадиционализм в глобализирующемся обществе // Этносоциологию — молодым: Мат-лы междунар. школ молодых этносоциологов / Под ред. Ю.В. Попкова, Е.А. Ерохиной. Новосибирск, 2012. Вып. 2. – 332 с. С. 152-158. Награльян А.А., Филюшкина Д.В. Традиционное и инновационное в социальном пространстве современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. №4(9). С. 181-184.

Намруева Л.В. Изменение идентичности современных калмыков: от кочевника до программиста // Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность. Мат-лы рос. науч. конф-ции с междунар. участием (Элиста, 17-18 марта 2016 г.). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2016. С. 258-260.

Намруева Л.В. Миграционные установки молодежи Калмыкии (по материалам исследования) // Вестник Калмыцкого университета 2013. № 2. С. 64-70.

Намруева Л.В. Сельские территории Республики Калмыкия: социально-демографическая ситуация в 2000-е и 2010-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. 186-192.

Намруева Л.В. Социальные проблемы села Калмыкии (по итогам опроса 2015 г.) // Модели хозяйственного развития: теория и практика. Мат-лы междунар. науч. конф. (г. Элиста, 8 декабря 2015 г.). Электронный сб. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2015. С. 197-200.

Намруева Л.В. Социокультурное измерение модернизации в России // Вестник КИГИ РАН. 2013. №1. С. 127-131.

Смирнов С.А. Антропология номадизма (Антропологические тренды и северный культурный код)// Человек. 2014. № 3. С. 5-17.